

Главная национальная цель — это уцелеть

На пути в Россию из Америки Василий Аксенов сделал краткую остановку в Париже, где ответил на вопросы «Новых Известий»

— Василий Павлович! Давайте, пожалуй, начнем с дел американских. 20 января состоится инаугурация Джорджа Буша. Что, на ваш взгляд, изменится с его приходом для американцев?

— В стране происходит серьезный раскол общества — это результат двухпартийности. Половина Америки, конечно, предвкушает, что начнутся перемены в желательном для них направлении, а другая горюет, что не произойдет тех изменений, каких бы она хотела... Складывается впечатление, что Америка вступает в общество, в котором дела вершить будут корпорации. Произойдет снижение налогов, и из-за этого уменьшатся средства для социальной сферы. Не будет никакого прогресса в деле контроля за личным огнестрельным оружием, о чем я очень сожалею... Конечно, никакого идеологического жажима не предвидится — в Соединенных Штатах его себе трудно представить. Во внешней политике, думаю, мы увидим больше жесткости, что, может быть, и неплохо.

— Будет ли иметь такая жесткость какие-то последствия для России?

— Ничего резкого не случится, если в самой России, чего нельзя исключать, не будет резких изменений и не произойдет поворот к милитаризации общества, к конфронтации с Западом, к ставке на деспотические режимы типа Ливии или Ирака — традиционных противников Америки. Не надо все-таки забывать, что именно республиканцы развалили «империю зла». Если бы тогда у власти были демократы, она еще бы проскрипела лет десять. Республиканцы считают это своей большой заслугой. В этом смысле они будут очень зорко следить за всем происходящим в России. К тому же президентский советник по национальной безопасности Кондолиза Райс — большой специалист по России...

— Теперь тон во внешней политике будет задавать афроамериканский тандем — госсекретарь Колин Пауэлл — Райс...

— Я познакомился с Пауэллом на приеме для диссидентов у Рейгана, когда перед его поездкой в Москву собрали со всей Америки правозащитников. Мне он очень понравился — исключительный джентльмен. Взвешенный, сбалансированный, хотя и жесткий человек, но никаких выходов с его стороны ждать не приходится. Что же касается Кондолизы, то она очень компетентна, интеллект, кремленолог, славистка с прекрасным русским языком.

— В Кремле считают, что нам всегда удавалось найти с республиканцами нужный тон и нужный ключ в общении друг с другом...

— Я прекрасно помню, как в 1989 году президент Рейган в Берлине, стоя на площади перед Бранденбургскими воротами, обратился к Горбачеву и сказал ему: Mister Gorbachev! Tear this wall down! («Господин Горбачев! Снесите эту стену»). И тот, конечно, понял его моментально, и стена была сломана. В этом смысле нужный тон был найден.

— Какие чувства вызывает сегодня Россия у американцев?

— Россия по-прежнему остается в центре внимания, но без того постоянного ужаса, который испытывали американцы по отношению к Советскому Союзу... Недавно была замечательная статья Дэвида Хоффмана, шефа московского бюро «Вашингтон пост», о Путине. Она, кажется, называется «Господин Путин за границей говорит одно, а дома делает другое». Он раскусил нашего загадочного президента.

— Ну а как к Путину относятся американские верхи?

— Не так, как к Горбачеву или к Ельцину. Нет такого своего отношения типа «друг Билл — друг Борис». Конечно, в суматохе с пересчетом голосов было не до путинских всяких трюков. Но то, что он, находясь в Западном полушарии, с Кубы полетел в Канаду, минуя Вашингтон, словно не обращая на него внимания, не пройдет бесследно... Кстати, страннейший демарш со стороны российских военных кругов, когда наш самолет пролетел над американским авианосцем. В России он освещался как колоссальный триумф, говорили о «неслыханном достижении» вооруженных сил, которые, сфотографировав палубу, «взломали» электронную оборону. Американские СМИ этого не заметили, но уверен, что такие вещи фиксируются. Не надо так дразнить большого дядю Сэма. «Он может говорить мягко, но носить большую дубину» — фраза Теодора Рузвельта... У нас-то дубиной угрожают так называемым «внутренним врагам». Да и все эти разговоры о многополярном мире выглядят, с моей точки зрения, как призывы к конфронтации.

— Вы внимательно следите за российскими событиями из американского далека. Куда же Путин, на ваш взгляд, ведет Россию?

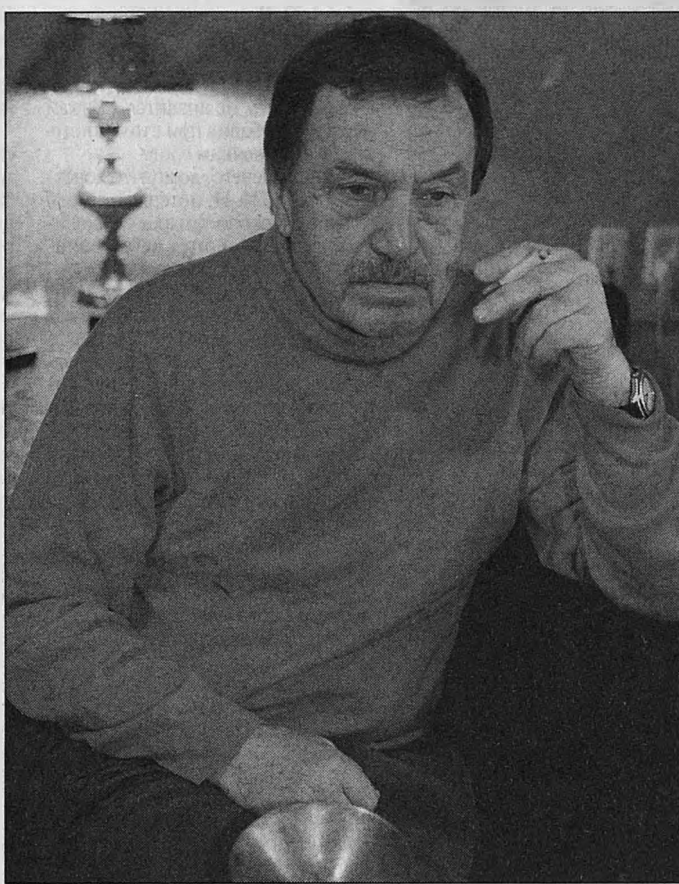
— Пока не знаю, но у меня есть нехорошие предположения... Кажется, что Россия опять не выдержала пробы на либерализм, если судить по довольно гнусной трактовке национальной символики, которая как бы направлена на преодоление раскола в обществе, но усиливает массовый цинизм по отношению к гигантским жертвам тоталитарного государства. Высшим издевательством над нашей историей я считаю то, что России навязан гимн со словами того же субъекта, который написал гимн сталинский. И здесь товарищ Путин основательно подзабыл о том, что его избирали как альтернативу Зюганову. Навязывая, казалось бы, такие ничтожные значения в экономическом и геополитическом смысле эмблемы, он тем не менее внедряет в умы ощущение того, что мы все те же советские люди, все те же герои невидимого фронта и что мы своего дивного прошлого не отдадим... При этом я не исключаю, что Путин пытается все вначале утихомирить, а потом на утихомирившей поверхности проводить настоящую реформу, внедрять гражданские права и строить либеральное общество.

— Можно ли считать его правление откатом назад в плане свобод по сравнению с годами Ельцина?

— Очень четко наметилась попытка развернуть страну назад. Мне кажется, что институт его помощников и так называемых технологов власти, как бы борясь с расколом общества, на самом деле его внедряет.

— У вас есть, наверное, свое объяснение стабильно высокому рейтингу Путина?

— Все эти опросы вызывают сомнения. Их так много, и трудно разобраться в том, что действительно чувствует народ. То, что произошло в самом начале его восхождения, вполне понятно. Страна была на грани раскола в результате действия чеченских бандитов. Тогда Путин проявил решимость, и я его поддерживал, так как он предотвратил дестабилизацию страны. Он всем как бы говорит: «Я пытаюсь спасти Россию от распада». Но не каждый может понять, что он для этого делает. Например, я не понимаю, что такое введение семи округов и семи надсмотрщиков над губернаторами. Может быть, тогда лучше было бы просто отменить выборы губернаторов и назначать их, а в губерниях ввести какие-то выборные независимые органы? Да и реформа Совета Федерации явля-



«Очень четко наметилась попытка развернуть страну назад».

ется немыслимой по своей неуклюжести. Ну а Госсовет — это неудачная имитация царского Госсовета, куда все-таки назначались высшие представители аристократии. Как будто Павловский и прочие думают, думают, а в результате недодумывают. У них какие-то мутные мозги.

— Нужна ли нам все-таки национальная идея или цель, которые сплачивали бы страну?

— Главная национальная цель — это уцелеть. Уцелеть как этнос, уцелеть как государство, уцелеть как культура. Какая может быть другая цель после столь грандиозного кризиса? Мы должны признать, что российская утопия развалилась с ошеломляющей воной. Когда мы говорим об этносе, надо учитывать, что мы колоссально меняемся. Русских становится все меньше и меньше, а есть десятки миллионов людей не совсем русских, которые таковыми себя считают. В бесконечной стадии изменения находится, кстати, американский этнос. (В Москве это пока не так заметно, как в Лондоне, в Париже или Нью-Йорке). Я когда приезжаю в Москву, то всякий раз думаю: «Это гигантская белая метрополия. Жутко немыслимый огромный котел белого народа».

— В свою очередь мы ощущаем на себе мощное демографическое давление со стороны Китая...

— Сближение с Китаем, который наращивает мощь, — очень серьезная историческая ошибка. Вообще главная опасность для России идет не с Запада, а от Китая и ислама. Надо было бросить призыв уцелевшим нашим людям — «Идите туда, заселяйте земли, работайте!».

— Отечественные политтехнологи трудятся над созданием партий, которые на нашей почве за минувшее десятилетие так и не пустили корни...

— Политические партии, безусловно, нужны. Какие-то есть — типа «Яблока», которое сейчас находится в состоянии упадка. Когда Березовский и наша группа вышли с призывом к организации либерального движения конструктивной оппозиции, это было встречено в штыки. Но мы же не шли на конфронтацию, а предлагали власти конструктивный диалог, джен-

тльменское соглашение, которое было отвергнуто.

— Если не считать эпизода с гимном, наша интеллигенция в конце концов в своей массе спокойно побредет за Путиным...

— Наоборот, сейчас интеллигенция возмущена тем, что с ней никак не посчитались и утвердили слова Михалкова, который является символом продажности и лизоблюдства — сталинского, хрущевского, брежневского.

— Не думаете ли вы, что рано или поздно все всё проглотят и начнут вставать под михалковский гимн...

— Не на баррикады же лезть! Да и это только кажется, что проглатывается, а на самом деле накапливается недовольство, которое приводит к тому, что власти теряют ресурс доверия.

— Если исходить из того, что происходит с НТВ, насколько реальна угроза свободе слова в России?

— Пока еще не произошла окончательная закрутка. Печатные органы по-прежнему свободны и публикуют все, что хотят. В электронных СМИ уже задано определенное направление, исходящее из своего рода печальных времен Старой площади. ОРТ меняется на глазах.

Меньше независимых точек зрения, какая-то слащавость по отношению к властям предрежающим... Очень двусмысленная программа информационной безопасности может привести к нежелательным последствиям. Если предположить, что Путин ведет к тому, чтобы свернуть все проявления свободы, либерализма, то это будет делаться не так резко, как прежде, а постепенно, приучая людей к тому, что существует некий идеологический центр.

— Собираетесь ли вы участвовать в Международном фонде в защиту гражданских свобод, который только что создал Борис Березовский? — Березовский мне о нем говорил, но пока никаких конкретных предложений я от фонда не получил. Если они будут связаны с моей спецификой писателя, я, конечно, их рассмотрю.

— Не надоели ли вам преподавать историю русской литературы в вашингтонском университете Джорджа Мейсона?

— Надоело вообще преподавать. Я уже отдал 20 лет американским

университетам — всем вместе, не только «Джорджу Мейсону» — с самого первого дня, когда оказался в эмиграции. Думаю об отставке, но, видимо, останусь работать еще года полтора.

— Неужели в Америке кого-то еще интересует наша литература?

— У меня два курса, на которые не так легко попасть. Один называется «Два столетия русского романа». Его слушают продвинутые люди, для которых главный предмет — английская литература и творческое письмо. Они изучают русский роман, связанную с ним теорию Бахтина, а также учатся русской специфике романостроительства. Второй курс — это обзор модернизма и авангарда от конца XIX до 30-х годов XX века, иными словами, наиболее плодотворный период русской творческой истории. Там не только литература, но и живопись, кино, архитектура, вплоть до — в контексте авангарда — ранней авиации: «Ильи Муромцы» всякие, «Сикорские». Стравинского и Сикорского я называю двумя гениальными Игорями... Большинство, конечно, приходит на мои курсы с нулевым знанием той жизни. Они даже не подозревают о существовании такой гигантской культуры.

— Что сейчас читают американцы?

— Читают много — я, конечно, не говорю о коммерческой литературе. Интерес к беллетристике, к романам сильно падает. Основное чтение американской публики — различные биографии, документальные книги. Художественная литература не в привилегированном положении. Я сужу и по моим книгам...

— Каким тиражом они публикуются в Соединенных Штатах?

— Все меньшим и меньшим... Если «Ожог», который вышел в середине 80-х, разошелся довольно большим тиражом тысяч в 30, то последняя моя вещь «Новый сладостный стиль» — не больше 7. Этот роман привлек колоссальное внимание критики и, что бывает очень редко, вызвал противоположные оценки. Одни захваливали, говорили, что это просто «великий американский роман». В журнале же «Нью рипаблик» была большая статья под названием «Остановите карнавал!». Ее смысл в том, что хвалят, «накарнавалились», время серьезное. Большой интерес критики, казалось, должен был вызвать интерес публики, но этого не происходит.

— А в России ваши книги сейчас вызывают интерес?

— Не думаю, что есть сенсационное любопытство. Но читатель существует, и меня вдохновляет, что ими интересуется самое молодое поколение, 20-летние. Среди них много людей, желающих читать старика Аксенова.

— Но нет больше бешеного успеха 60-х годов...

— Нет, и мне он не нужен. К тому же тот же «Новый сладостный стиль» продается в основном в Москве и Петербурге. Издатели не имеют возможности рассылать книги по стране.

— У вас нет ностальгии по 60-м, когда гремели ваши «Коллеги», «Звездный билет», «Затоваренная бочкотара»?

— Это было только потому, что журнал «Юность», в котором они печатались, имел тираж 2,5 — 3,5 миллиона экземпляров. Поэтому и появился массовый читатель, а я умудрился составить себе сенсационную репутацию. Сейчас моя популярность в России связана с моими частыми выступлениями по телевидению. В Самаре, когда я сидел в местном прямом эфире, опрашивали людей на улицах. Многие говорили: «Книг не читали, но внешность знаем».

— С чем связана ваша нынешняя поездка в Москву?

— Я вхожу в состав жюри премии «Триумф» и стараюсь приехать на церемонию вручения. Есть и другие дела, в частности, мой новый роман. Мне надо выяснять с издателем, когда он пойдет.

— И о чем ваш новый труд?

— Это большой роман «Кесарево свечение», который я закончил полтора месяца назад. Он сложный по форме и внутри себя содержит малый роман, три пьесы, два рассказа, цикл стихов, эссе. Их объединяют два главных героя. Один — старый сочинитель, близкий мне, но не автобиографический персонаж. Другой — молодой герой 90-х годов: полу-Евгений Онегин, полуГангстер, полу-Аль Капоне. Он приходит к утопической идее борьбы за воздух, чтобы меньше пердели. Люди все пердели — и в прямом, и в переносном смысле. Он организует гигантское движение за чистый воздух и становится генеральным секретарем ООН.

— У нас писателем года объявлен Б.Акунин. Вы знакомы с его героем Эрастом Фандориным?

— Я знаком лично с Гришей Чхартишвили, а с его романами пока нет. Обязательно доберусь, но пока руки не доходят. Честно говоря, я этот жанр не жалую. Может, это прозвучит достаточно пошло, но я прочел до конца всего один роман Агаты Кристи... Читаю сейчас Мережковского и считаю, что он грандиозный, недооцененный писатель. Прочел «Юлиана Отступника» из серии «Смерть богов». Это совершенно гениальная вещь, по размаху и по концепции книга грандиозная и невероятно современная. Она о возвращении императора Юлиана от христианства назад к язычеству. Вот как Путин пытается вернуться к коммунизму.

— Ну а кого вы чаще всего перечитываете?

— Прежде всего тех, кого преподаю. Для себя — Толстого, которого очень люблю за исключением его мелодраматических вещей типа «Анны Карениной». Для меня просто кайф «Севастопольские рассказы», «Казаки», «Война и мир», кроме эпизода. Люблю того же Федора Михайловича, как поэта. У него присутствует ироническая интонация от начала до конца... Внедряю в американцев Зошенко, который, казалось бы, невнятный, а у меня на уроках по Зошенко они все хохочут. Читаю и друзей — люблю вещи Саши Кабакова. Только что взял новую книгу Гладиллина «Тень всадника». Меня радует, что он после долгого молчания разразился. Мне кажется, что он неоцененный писатель.

— Заметили ли вы на литгоризонте новые яркие имена?

— Любители нового делятся на два лагеря — сорокинсты и пелевинисты (то есть поклонники Сорокина или Пелевина. — Ю.К.). Я примыкаю ко второму.

— По какую сторону океана вам лучше пишется?

— В основном я пишу в Америке. В Москве писать почти не могу. Восемь лет назад во время нашей встречи вы сказали, что на остаток жизни оседаете в Москве. Затем лет пять назад вы мне заявили, что писательского стола в России у вас нет. Кажется, с тех пор он так и не появился?

— Нет, не появился. Я не знаю, где осесть. Может быть, где-то в Европе, возможно, во Франции — поближе к России, но не в России... У меня два гражданства и два паспорта, а в Москве есть квартира.

— Мы с вами встречаемся в последний день 2000 года. Что бы вы хотели пожелать России в новом году?

— Дрейфовать поближе к Западу.